

Локшин Александр
Лазаревич

20.11.03

Россия. — 2003 — 20 ноября. — с. 6 Стукачи и слухачи

Михаил Подгородников

Как-то после блистательного светского собрания на даче у Пастернака Анна Андреевна Ахматова пожаловалась: «А я там очень устала. Оттого, что никак было не догадаться: кто здесь сегодня стучит?» Пытка для многих наших современников, мучительный вопрос длиной почти в XX век — кто стучит? Хотя для некоторых — не пытка, а доброе начинание, патриотический долг.

Жертва оговора

Пятьдесят лет назад композитор Александр Лазаревич Локшин был записан в стукачи. Любимец студентов, остроумный человек, композитор, писавший гениальную музыку (на фото слева) был обвинен в предательстве: по его навету посадили, мол, в 1949–1950 годах двоих человек — А.С. Есенина-Вольпина, математика и поэта, сына Сергея Есенина (на фото справа), и Веру Ивановну Прохорову, переводчицу, внучку известного московского фабриканта Н.И. Прохорова. Через несколько лет их освободили, но Локшин так и остался до смерти (1987 год) и после нее изгоем, музыку которого не следует исполнять.

Бывший друг явился к Локшину и с порога метнул в него разящий вопрос: «Сколько тебе заплатили за то, что ты меня предал?» Тот отвечал спокойно: «Я тебя не предавал». «На допросе мне предъявили мои стихи, — взвинченному поэту казалось, что он нашел убийственную улику. — Я помню, как ты их записывал, пока я читал. Не отпирайся!» Композитор вынул из тумбочки тетрадку: «Вот твои стихи, забирай и больше здесь не показывайся».

Зацикленный на одной версии, Есенин-Вольпин и не вспоминал, скольким знакомым читал свои стихи. А через много лет предъявил сыну композитора А.А. Локшину как улику некие антисоветские фразы, которые он говорил только другу-композитору, а их ему повторил следователь. Сын последовательно стал раз-

бирать фразу за фразой, указывая на множество толкований. Есенин-Вольпин махнул рукой: «Каша какая-то». Он уже был готов снять все подозрения, распить бутылочку с прежним другом, но поезд ушел.

Есенин-Вольпин — человек шумный, несдержанный, парадоксальный. Он постоянно позволял себе такие фразы, на какие не решился бы законопослушный обыватель. Уже в ссылке, по свидетельству Ольги Адамовой-Слюзберг, в подпитии он поднял гост: «Я пью за то, чтобы подох Сталин!» Его умоляли замолчать, били по губам, но он повторял: «Я свободный человек. Я пью за то, чтобы подох Сталин!»

Сыну композитора он признался: «Я всем рассказывал, кто меня посадил. Но через два года перестал, потому что показалось, что это нехорошо. А Вера продолжала». В 2002 году в 4-м номере газеты «Музыкальная жизнь» она выступила с пространной статьей «Трагедия предательства», заявив: «Я никогда не называла имя неоднократно доносившего на меня человека».

Телепередача «Старая квартира» в 1998 году, «Известия» в 1998 году, информация для выступавших о Локшине знатоков музыки на одной из радиостанций в 2000 году — это, конечно, не в счет, так — намеки, недосказанность, «вокруг да около». Теперь, спустя 50 лет, она заявляет твердо: ее посадил Александр Локшин.

Локшин рисуется в ее статье человеком крайне нервным, обаятым безумным страхом,

подозрительностью, что является, по мнению Прохоровой, убедительной уликой предательства. Тем не менее она часто приглашала его в гости и заводила опасные разговоры. Локшин волновался, потому что знал, что у стен есть уши. На мой взгляд, его нервозность скорее свидетельствует о его непричастности к доносительству, чем о его вине.

Вольный разговор

Квартира Прохоровой была просторной, из-за ареста родственников жилплощадь освобождалась. В неблагонадежном доме поселился Святослав Рихтер, сам неблагонадежный: во время войны его мать ушла с немцами. Локшин появился здесь тогда, когда там не было Рихтера: у них были натянутые отношения.

Локшин язвил: «У Рихтера рояль звучит, как разбитая кастрюля». Выдающийся пианист простить такого не мог. «Вера, он тебя посадит», — говорил он Прохоровой. «Почему?» — спросила Рихтера впоследствии Милица Генриховна Нейгауз. Тот ответил, что он ничего не знал, но ему так казалось. Убедительный довод...

Шумные компании собирались у госпожи Н., сыгравшей в этой истории зловещую роль. Молодежь вела свободные разговоры, нимало не заботясь, что они попадают в разряд «антисоветских». Вера Ивановна обычно «солировала», с удовольствием затрагивая крамольные темы. Локшин острит, блистал эрудицией. Есенин-Вольпин читал стихи — темпераментно, гром-

ко — «такие антисоветские, что я до сих пор помню ощущение ужаса, которое меня тогда охватило», признается потом ученица Локшина И.Л. Кушнерова.

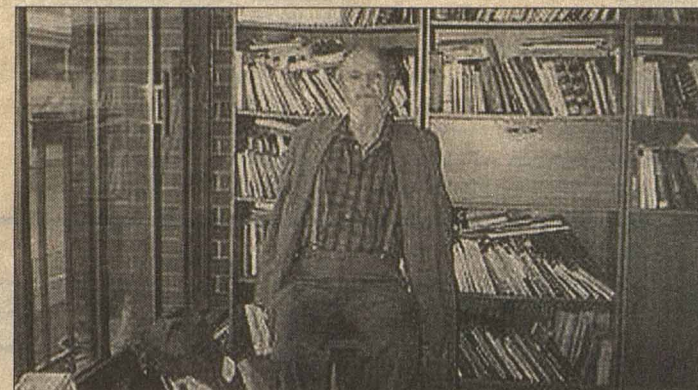
Станный доносчик выпал на долю В.И. Прохоровой. Стукач, который ничего не получил от своего стука. Ни славы, ни денег, ни квартиры. Учитель Локшина, старый композитор Н.Я. Мясковский хлопотел за своего опального ученика и добивается, чтобы ему предоставили комнату в коммунальной квартире — Прохорова утверждает, что это была трехкомнатная квартира.

Какие еще награды? Увольнение из консерватории? Разгромная критика его музыки? Статус невезедного? Тяжелая болезнь? Он, лишившийся в результате операции значительной части желудка, не приходил некоторое время к Прохоровой — и она снова рассматривает это как подозрительную уклончивость.

Цена неуспеха

Локшин — «представитель буржуазного декаданса», модернист, формалист, выходец из семьи «лишенцев» — имел основания страшиться ареста. Вся атмосфера была пропитана сыском, преследованиями. Происходили чистки в учреждениях культуры. Шли погромы в экономической науке, философии, биологии. Топтали видных советских композиторов — те каялись.

Локшин все явственнее ощущает угрозу со стороны своей знакомой Н. и решается на

предупредительную контрмеру: берется написать «Приветственную кантату» к 70-летию И.В. Сталина. Кантату на секретариате Союза композиторов одобряют. А далее происходит то, о чем догадываются лишь люди искушенные, хорошо представляющие механизм чекистских игр. Вероятно, в это время Локшина вызывают в известное учреждение и предлагают сотрудничество, от чего он отказывается — надо полагать, желчно, в оскорбительной для ГБ форме.

Последующие события подтверждают это предположение: кантату, ту самую, «Приветственную», которую только что возносили, мгновенно подввергают хуле. Т. Хренников называет это произведение «холодным, ложным, крайне сумбурным, шумным, беспомощным». Автор, поняв, в какой капкан он попал, желает своему сочинению провала. В частном письме он пишет: «Ничто мне сейчас так не требуется, как полный неуспех. Лишь этой ценой я смог бы сохранить в себе то, что составляет и оправдывает смысл моего пребывания».

Бог услышал эту молитву, и кантату проваливают — для Союза композиторов это было лишь делом техники. Измарать грязью этого заносчивого человека было для ГБ тоже делом техники: случай представился — арест Прохоровой.

Дважды на Лубянку привозят сестру Локшина, больную женщину, после тяжелой операции. Вызывают мать композитора. Женщинам предъявляют условие: «Если вы не

подпишете показания против Прохоровой, арестуем вашего брата и сына». Но Шура болел, для него арест — смерть! Женщины подписывают: да, вела Вера Ивановна антисоветские разговоры, слышали. Они спасли его, но тень, естественно, падает и на самого Локшина.

Локшин пытается объяснить с Н., причастной к органам и очевидной виновницей происшедшего. В ответ получает прямые угрозы, обещания расправиться с семьей. След этой драмы остался в письмах Локшина.

«Передовая интеллигенция», как обычно, чутко улавливала потребности дня и движения верховной мысли. Падкие на дурную молву, слухачи (писатель Ю. Нагибин, виолончелистка Н. Гутман) не замечали, что при такой увлеченности и беспощадности нас действительно ждет «тьма в конце туннеля», как и предрекал Ю. Нагибин. Но были и те, кто не сомневался в безупречности Локшина, в его таланте, — Д. Шостакович, Р. Баршай, преподаватель консерватории Б. Тищенко и др.

29 мая 2002 года впервые в Москве прозвучал «Реквием» А. Локшина — замечательное произведение и самый сильный аргумент в пользу композитора. «Задрожит вся природа и сама смерть/Когда восстанут умершие/, Чтобы дать ответ перед Судьей./И принесут книгу/, Где будут записаны/Все грехи мира/, — выпевал хор молитву XIII века. В ней слышалась и мольба самого автора.